

CC1 extremely arbitrary. Several incriminations, like robbery or kidnaping do not foresee such a possibility, although the courts are frequently confronted with severity of cruelty in individual cases. On the other hand, we experienced some court argumentation recently in Slovenia affirming cruelty as a special aggravating circumstance in the crime of rape (Art. 170/II CC1), where the perpetrator during the sexual intercourse “spoke a language, not understood by the victim”, which was criticized by theoreticians as racist use of law.

Contrary to cruelty, the aggravating circumstance of perfidity as the second alternative of Point 1 of the only (I.) Paragraph of Art. 116 CC1 tries to cover cases, where the victim is killed by that special person, whom the victim trusts his or her life most: medical practitioners, professional mountain rescuers, but also parents, teachers, spouses, taxi- or bus- drivers, pilots. In this category one can find by the victim unexpected killings during sexual acts. Newer theory slowly abandons to define all killings of sleeping people or all killings of children as perfidious per se in the sense of Art. 116/I(1) CC1.

One can not stress enough, that according to the new Slovenian CC1 all cases of euthanasia, where the perpetrator is a medical practitioner, physician and his patient didn't give a free consent for euthanasive killing, are dealt with as perfidious murders under the definition of Art. 116/I(1) CC1. Slovenia decided in 2008 politically not to provide a privileged, less severe form of manslaughter in cases of euthanasia and prefers the definition of murder in such cases with a physician as perpetrator and patient as victim. It is interesting to know that both the Medical Chamber of Slovenia as well as the National Bioethical Committee are fond of this regulation and oppose strongly any liberalization in this regard.

УДК 343.41(043.2)

Мехрибан Магеррамова, преподаватель,
доктор философии по праву,
Бакинский Государственный Университет, г. Баку, Азербайджан

ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ О ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Одной из актуальных проблем международного уголовного права продолжает оставаться проблема применения материально-правовых норм об ответственности за военные преступления. Отметим, что в науке выработано понимание того, что международная норма уголовно-правового характера может применяться как непосредственно, так и опосредованно, через соответствующую норму национального законодательства [1, с. 61-62]. Следуя этому положению, мы также рассмотрим вопросы применения международных норм об

ответственности за военные преступления названными способами.

Опосредованное применение. Так как для международных уголовно-правовых норм более характерно опосредованное применение, т.е. применение национального уголовного закона с соблюдением требований международного уголовного права. С него мы и начнем, тем более что это касается и регламентации ответственности за рассматриваемые преступления.

Отличительной чертой многих международных актов является наличие в них требования об установлении ответственности за международное преступление в национальном праве. Это сделано для облегчения осуществления государством своей собственной юрисдикции в отношении преступника. Подобная традиция была заложена еще в ст. V Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., предписывавшей государствам-участникам для введения в силу положений этой Конвенции «привести необходимое законодательство ... в соответствии со своей конституционной процедурой».

По существу, такая формулировка впоследствии стала общепринятой, хотя и варьировалась от обязанности государств-участников просто «принять меры», необходимые для реализации положений Конвенции, до прямого требования установить преступность и наказуемость деяния, а также иные уголовно-правовые институты во внутригосударственном праве.

Например, в ст. IV Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г. указывается, что «государства-участники настоящей Конвенции обязуются принять в соответствии с их конституционной процедурой любые законодательные или иные меры, необходимые для обеспечения того, чтобы срок давности, установленный законом или иным путем, не применялся к судебному преследованию и наказанию за преступления, указанные в статьях I и II настоящей Конвенции, и чтобы там, где такой срок применяется к этим преступлениям, он был отменен».

В ряде случаев международный акт предписывает установить преступность деяния в национальном уголовном праве. Так, в ст. VII Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и об его уничтожении от 13 января 1993 г., предусмотрено, что «каждое государство-участник в соответствии со своими конституционными процедурами принимает необходимые меры по выполнению своих обязательств по настоящей Конвенции».

Требование установить наказуемость деяния в национальном уголовном праве подразумевает автоматическую криминализацию такого деяния в национальном уголовном законе - ведь невозможно представить себе абстрактное наказание без определения самого преступного деяния. Более того, новейшие источники международного уголовного права, по

существу, отдают приоритет в материально-правовой оценке содеянного национальному законодательству. Таким образом, в международном уголовном праве существует тенденция расширения возможности опосредованного применения норм международного уголовного права для квалификации содеянного.

Так, расширенная возможность опосредованного применения норм международного уголовного права предусмотрена Римским Статутом: в его ст. 1 указано, что Суд «дополняет национальные системы уголовного правосудия». В соответствии с преамбулой к Статуту, «обязанностью каждого государства является осуществление его уголовной юрисдикции над лицами, несущими ответственность за совершение международных преступлений» [4, с. 61].

Многие национальные уголовные законы содержат положения о том, что уголовное право применяется в строгом соответствии с самим уголовным законом. При этом национальное уголовное законодательство многих государств содержит указание на то, что оно основано на принципах и нормах международного права. В то же время в конституционное законодательство большинства стран включены положения о приоритете международного права над правом национальным. Следует подчеркнуть, что международное уголовное право является одним из факторов универсализации национального уголовного права в глобальном масштабе, на которую как на один из итогов развития уголовного права XX в. обращалось внимание отечественными и зарубежными авторами [2, с. 56-57].

Непосредственное применение нормы международного уголовного права означает, что она применяется национальным или международным правоприменителем для квалификации содеянного самостоятельно, без каких-либо оговорок и ограничений. Особенностью международного уголовного права является сравнительно небольшая возможность прямого (непосредственного) применения его положений. Это обусловлено тем, что большая часть международных документов уголовно-правового характера требует установления преступности того или иного деяния в национальном законе.

Возможность прямого применения нормы о военных преступлениях была предусмотрена в документах Нюрнбергского трибунала. В настоящее время возможность прямого применения международно-правовых норм о военных преступлениях сузилась, так как национальное законодательство большинства стран в той или иной форме имплементировало соответствующие положения международного уголовного права. Тем не менее такая возможность существует.

Рассмотрим способы непосредственного применения современного международного уголовного права об ответственности за военные преступления.

Во-первых, норму международного уголовного права о военном преступлении может применить международный правоприменительный орган (суд). Такая возможность предусмотрена в большинстве международных конвенций при определении порядка разрешения юридического спора.

Конечно, спорные моменты, когда возможно прямое применение положений Конвенций, чаще всего носят процедурный характер (выдача, порядок уголовного преследования и др.). Однако при возникновении материальноправового спора возможно также непосредственное применение нормы международного права, так как иное не оговорено в названных документах. Это означает, что деяние может быть квалифицировано как то или иное военное преступление по международному уголовному праву непосредственно, без каких-либо отсылок к национальному уголовному законодательству. Это подтверждается, в частности, Статутом Международного Суда ООН, в ст. 38 которого указывается, что Суд, который обязан решать переданные ему споры на основании международного права, применяет в первую очередь международные конвенции, «как общие, так и специальные, устанавливающие правила, определенно признанные спорящими государствами» [2, с. 94]. Следовательно, речь может идти о непосредственном применении международных документов, устанавливающих преступность деяния для квалификации содеянного.

Итак, применение норм международного уголовного права об ответственности за военные преступления возможно двумя способами: 1) опосредованно (применяется норма национального уголовного закона в соответствии с международным уголовным правом либо национальная норма отсылает к международно-правовому документу); и 2) непосредственно (национальный правоприменитель или международный орган применяют собственно саму норму международного уголовного права). В случае коллизии норм международного и национального уголовного права приоритет должен отдаваться действующей норме международного уголовного права.

Литература

1. Кибальник А. Порядок применения международного уголовного права в национальной юрисдикции // Росс. юстиция. – 2002. – № 10. – С. 61-62.
2. Наумов А. В. Сближение правовых систем как итог развития уголовного права XX в. и его перспектива в XXI в. // Государство и право. – 1998. – № 6. – С. 56-57.
3. Malcolm D. Evans. International Law. Oxford, Oxford University Press, 2014, P. 94. 873 p.
4. William A. Schabas. The International Criminal Court: A Commentary on the Rome Statute. Oxford, Oxford University Press, 2016, P. 61, 1589 p.